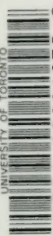

UNIVERSITY OF TORONTO

3 1761 00301372 9

Zaboltskii, P. A.
Gogol' i slavianstvo

PG

3335

Z8Z36

Zabolotskiĭ, P

A

П. А. Заболотскій.

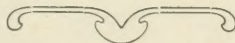
Gogol' i slavjanstvo

1) ГОГОЛЬ и СЛАВЯНСТВО.

Рѣчь, произнесенная на актѣ 14 апр. 1909 г.
въ Институтѣ кн. Безбородко.

2) „Великому Нѣжинцу!“

Рѣчь, произнесенная у памятника Гоголя въ Нѣжинѣ.

Нѣжинъ

Типо-Лит. насл. В. К. Меленевского.

1911.

Digitized by the Internet Archive
in 2009 with funding from
John and Mary A. Yaremko Foundation

Zabolotskiĭ, P A
П. А. Заболотскій.

Gogol' i slavjanstvo

1) ГОГОЛЬ и СЛАВЯНСТВО.

Рѣчь, произнесенная на актѣ 14 апр 1909 г.
въ Институтѣ кн. Безбородко.

2) „Великому Нѣжинцу!“

Рѣчь, произнесенная у памятника Гоголя въ Нѣжинѣ.

Нѣжинъ

Типо-Лит. насл. В. К. Меленевскаго.

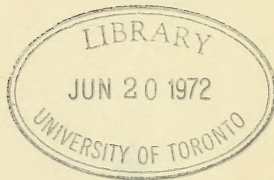
1911.

PG

3335

Z8 Z36

Печатано по постановленію Конференції Историко-филологического
Института Князя Безбородко въ Нѣжинѣ. Директоръ *Ив. Ивановъ*.

Гоголь и славянство

(Рѣчь на торжественномъ засѣданіи въ память 100-лѣтія рожденія Гоголя въ Нѣжинскомъ Историко-Филологическомъ Институтѣ кн. Безбородко).

Немногимъ избранныкамъ судьбы выпадаетъ на долю правильно уловить біеніе пульса современной жизни, глубоко проникнуть чутливымъ окомъ въ тайники народной души и указать и своимъ современникамъ, и своимъ потомкамъ, что дѣлать, куда идти.

Гоголь былъ однимъ изъ такихъ рѣдкихъ избранныхъ судьбы. Проникнутый гражданскимъ настроеніемъ отъ своихъ юношескихъ Нѣжинскихъ лѣтъ и до конца своей жизни, какъ это блестяще показалъ С. А. Венгеровъ въ своемъ трудѣ „Писатель-гражданинъ“, „страстно и напряжено думавшій о благѣ родинѣ, о служеніи ей, искавшій пути для достиженія этого блага и подчинявшій все остальные свои стремленія этому верховному руководящему началу“, Гоголь, какъ извѣстно, первый изъ русскихъ писателей рѣшился, по его собственнымъ словамъ, „опуститься въ глубину холодныхъ, повседневныхъ, раздробленныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша презрительно-горько-обыкновенная жизнь“; съ поразительной широтой захвата и глубиной психологическаго анализа обрисовалъ онъ самые разнообразныя слои русскаго общества сверху до низу, съ юга до сѣвера; охарактеризовавши жителя, природу, бытъ, взгляды на Украйнѣ и на Руси, онъ т. обр. какъ бы намѣтилъ вѣхи всесторонняго изображенія русской жизни, и по указанному имъ пути пошли его геніальные преемники, изъ которыхъ одни, какъ Тургеневъ, Гончаровъ, Л. Толстой расширили Гоголевское типологическое изображеніе дворянства, Достоевскій—разночинцевъ и униженныхъ и оскорбленныхъ, Островскій—купечества и мѣщанства, Тургеневъ, Григоровичъ, Л. Толстой и беллетристы-народники—крестьянства; поэтъ Некрасовъ возвелъ въ перлъ созданія гражданскую скорбь, которой проникнута и Гоголевская муза; Достоевскій, Некрасовъ, Гаршинъ, Горькій и др. раздвинули Гоголевскія рамки изображенія „быв-

шихъ людей“ въ родѣ дѣвушки, обрисованной въ „Невскомъ проспектѣ“ и т. д., и т. д.; въ пофщенныхъ Гоголемъ заграничныхъ мѣстностяхъ, у иностранцевъ въ Россіи тонко подмѣтилъ онъ тѣ черты, которыя, при глубокомъ проникновеніи его въ русскую народную душу, дали ему богатый матеріалъ для сравненій, сопоставленій, выводовъ; при непоколебимой вѣрѣ въ свою великую отчизну, онъ не побоялся, вопреки кваснымъ патриотамъ, мастерски обрисованнымъ имъ въ извѣстномъ лирическомъ отступленіи І. т. М. Душѣ, выставить на всенародныя очи то низкое и злое въ русской жизни, „что ежеминутно передъ глазами и чего какъ бы не зрять равнодушныя очи“; далекій не только отъ революціонныхъ идей, но и отъ проповѣди смѣлой политической и общественной реформы, Гоголь нанесъ однако чувствительный ударъ основнымъ язвамъ современной ему русской жизни—крѣпостничеству и бюрократизму; инстинктивно почувствовавши своимъ гражданскимъ чутьемъ, въ чемъ выходъ, въ чемъ ближайшее спасеніе для любимой имъ родины, онъ сознательно пригвоздилъ къ позорному столбу вершителей судебъ русскаго крестьянства въ родѣ Плюшкиныхъ, Собакевичей, Хоробочекъ, Маниловыхъ и т. д., и т. д. и пользующихся полнотою власти въ средѣ обывателей Сквозниковъ-Дмухановскихъ, Ляпкиныхъ-Тяпкиныхъ, Держимордъ и т. п. чиновниковъ; онъ первый постигъ великую силу смѣха и бичеванія общественныхъ пороковъ и блестяще показалъ, что цѣлая пропасть лежитъ между возвышеннымъ гражданскимъ смѣхомъ сквозь слезы и кривляньемъ балаганнаго скомороха; клеймя смѣло и рѣшительно достойное порицанія въ высшихъ и среднихъ классахъ нашего общества, писатель-гражданинъ не дѣлалъ себѣ кумира и изъ простаго народа, чѣмъ грѣшили порой его преемники; давая себѣ полный отчетъ въ неисчерпаемыхъ богатствахъ народнаго духа, являясь тонкимъ цѣнителемъ и собирателемъ произведеній народно-поэтического творчества, Гоголь во всей наготѣ выставлялъ національныя слабости и пороки; этимъ онъ давалъ блестящій урокъ современникамъ, отражая, какъ въ вѣрномъ зеркалѣ, разнообразныя стороны русской жизни и характера и оставляя въ своемъ творествѣ и письмахъ неоцѣнимое наслѣдіе и для этнографа, и для историка литературы, и для историка культуры; не даромъ имя Гоголя поставили на своемъ знамени лучшіе люди его эпохи съ „неистовымъ Виссариономъ“ во главѣ, не даромъ Пушкинъ и Жуковскій, славянофилы и западники сошлись въ признаніи заслугъ передъ литературой, родиной и прогрессомъ того сначала безвѣстнаго въ Петербургскихъ кругахъ питомца Нѣжина, „хохла“, который, при всей своей горячей и ярко отразившейся и въ творествѣ, и въ письмахъ любви къ своей поэтической Украинѣ, не задумался воспѣть ее на общерусскомъ лите-

атурномъ языкѣ и изъ сферы мѣстнаго патриотизма вышелъ на широкій и вольный просторъ любви ко всей Россіи, къ славянству и къ человѣчеству.

Юный Гоголь еще въ Нѣжинѣ, въ Гимназіи В. Наукъ кн. Безбородко, страстно горитъ желаніемъ, „означить свое существованіе“, „выбиться изъ низкой неизвѣстности“, не пополнять собою тѣхъ рядовъ „существователей, населившихъ Нѣжинъ, которые задавили корою своей земности, ничтожнаго самодовольствія высокое назначеніе человѣка“; въра въ свой незаурядный жребій, сознаніе своихъ недюжинныхъ силъ окрыляютъ будущаго творца новаго и наиболѣе до сихъ поръ жизненнаго направленія русской литературы и позволяютъ ему путемъ далеко, правда, не чуждымъ терніевъ выйти на настоящую дорогу писателя-гражданина и художника-реалиста. Если эта гениальная „эгоцентрическая“ натура въ концѣ концовъ не выдержала, изнемогла подъ бременемъ своей гениальности, была подавлена своимъ собственнымъ „я“, какъ показали въ своей юбилейной рѣчи акад. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій, то дѣло Гоголя продолжало жить, расти, крѣпнуть, когда его самого уже давно не стало на свѣтѣ и когда на смѣну ему пошли одинъ за другимъ его продолжатели Достоевскій, Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій, Л. Толстой и др.

Какъ продолжатели Гоголя, корни русской литературы второй половины XIX в., утвердившіе на Руси литературную школу художественнаго реализма и общественнаго направленія, такъ и талантливые представители нашей литературной критики въ лицѣ Бѣлинскаго, Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева и наконецъ изслѣдователи личности и творчества Гоголя отъ Кулиша до Шенрока, Тихонравова, Котляревскаго, Пышина, Овсяннико-Куликовскаго, Венгерова, Каллаша, Коробки, Алферова, Сакулина, Грузинскаго и т. д. дали въ руки современному изслѣдователю богатѣйшій матеріалъ для выясненія роли творца „Ревизора“ и „М. Душъ“ въ общемъ ходѣ русской литературы, русской жизни, русскаго общественнаго самосознанія. Трудъ, всецѣло исчерпывающій этотъ вопросъ, теперь къ 100-л. рожденія великаго писателя, на очереди.

Французскіе знатоки русской литературы во главѣ съ извѣстнымъ авторомъ „Le roman Russe“ Vogue, нѣмецкіе изслѣдователи русскихъ литературныхъ явленій, въ родѣ А. Brückner, Reinholdt и друг., увидѣли въ Гоголѣ, какъ главѣ новой русской литературной школы, такую величину, съ которой надо считаться не однимъ русскимъ; имя Гоголя благодаря переводамъ его на европейскіе языки, благодаря отзывамъ о немъ европейской критики, благодаря наконецъ чествованію и на Западѣ Европы его юбилейныхъ дней перестало быть пустымъ звукомъ

для культурныхъ людей романо-германскаго міра; по мѣрѣ же роста изученія русскаго языка и литературы въ школахъ и кружкахъ Запада, извѣстность и слава творца „Ревизора“ и „М. Душгъ“ будутъ, несомнѣнно, расти далеко за предѣлами его родины.

Не являясь натурой боевой, не будучи отъ природы вождемъ, способнымъ во имя идеи устремиться подобно Донъ-Кихоту на подвиги и отрѣшиться отъ Гамлетовскаго анализа и самоанализа, Гоголь лишь силою своею генія, силою геніальнаго проникновенія въ жизнь и въ смыслъ настоящаго ея момента, силою творческаго таланта, а не борьбою, не полемикой, не гоненіями и страданіями, какъ многіе другіе провозвѣстники новыхъ началъ и прокладыватели новыхъ путей, достигъ побѣды своего самобытнаго художественно-реалистическаго гражданскаго направленія надъ иными предшествующими и современными литературными направленіями; его произведенія говорили сами за себя; значеніе ихъ было понято всѣмъ, что было живого въ русскомъ обществѣ и литературѣ; критика, современная Гоголю и послѣдующая, а равно писатели, его послѣдователи, закрѣпили его дѣло, и, какъ ни отрекшався онъ потомъ, подобно современному намъ „великому писателю земли русской“, отъ своихъ геніальныхъ созданій, какъ ни старался умалить ихъ значеніе, дѣло, великое по замыслу и выполненію, дѣло грандіозное по значенію было сдѣлано; путь, куда идти, что дѣлать былъ указанъ и русской литературѣ, и обществу, и правительству.

Не сталъ Гоголь въ ряды борцовъ и въ сферѣ нарождавшагося при немъ національнаго теченія, которому въ силу своего происхожденія онъ могъ бы силою своего таланта оказать существенную услугу, могучую поддержку; мы имѣемъ въ виду то украинское литературное теченіе, которое имѣло уже въ своихъ рядахъ такихъ представителей, какъ Котляревскаго, Квитку-Основьяненко и др. и которое получило потомъ въ свои ряды такихъ выдающихся по дарованіямъ, энтузіазму и энергіи борцовъ за свою идею, какъ Т. Шевченко, Кулишъ, Костомаровъ, Драгомановъ и т. д., и т. д. Но Гоголь, и какъ поэтъ, и какъ историкъ, и какъ энографъ не сталъ во главѣ литературно-національнаго возрожденія одной изъ частей великой славянской семьи, онъ не сдѣлалъ того, что почти одновременно съ нимъ дѣлали В. Караджичъ у сербовъ, Ј. Гай у хорватовъ, Колларъ, Юнгманъ, Челаковскій, Гавличекъ, Ј. Штуръ, Гурбанъ и др. у чеховъ и словаковъ, Прешернъ у словинцевъ, Мицкевичъ и Словацкій у поляковъ, а позднѣе П. Славейковъ, Каравеловъ, Ив. Вазовъ и др. у болгаръ.

При несомнѣнной любви къ своей Украинѣ, при тщательномъ, сколько позволяли время и матеріалы, изученіи ея прошлаго и настоящаго, при знакомствѣ наконецъ черезъ посредство своихъ московскихъ

ученых друзей, въ родѣ Бовинскаго, Погодина, Хомякова и др. и черезъ посредство личныхъ наблюдений въ славянскихъ земляхъ съ фактомъ литературнаго возрожденія гораздо менѣе крупныхъ народностей, чѣмъ малороссійская, Гоголь не подкрѣпить собою фаланги литературныхъ представителей украинскаго теченія, хотя одного его таланта, одной его любви къ отчизнѣ и ея народу, одного его знанія ихъ было бы несомнѣнно достаточно для того, чтобы сдѣлать дѣло не меньшее, чѣмъ Караджичъ, Гафъ, Колларъ и др. возродители славянскихъ національныхъ литературъ. На родномъ своемъ мѣстномъ языкѣ писать онъ не сталъ, хотя этотъ языкъ ничуть не менѣе былъ приспособленъ для литературы, чѣмъ напр. сербскій при Вукѣ или словинскій при Прешернѣ и хотя знанія этого языка было у Гоголя вполнѣ достаточно въ необходимой для писателя Возрожденія мѣрѣ: въ самомъ дѣлѣ, онъ часто думаетъ по малороссійски и принужденъ тщательно учиться общерусскому литературному яз., какъ показать напр. въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи Мандельштамъ.

Въ чемъ же разгадка этой, какъ называютъ ее ярые украинцы, „лизмъны“ Гоголя?

Думаю, что въ томъ же проникновенномъ пониманіи требованій настоящаго момента и гениальномъ предугадываніи будущаго, который склонили его, романтика по настроенію и литературному воспитанію, вернуться рѣшительно на путь реализма, который побудили его, барича по домашней и школьной средѣ, прикоснуться къ землѣ и народу и подобно сказочному богатырю, воспринять отъ этого прикосновенія съ новой могучей силой, которая наконецъ заставили его, теоретическаго поклонника status quo, явиться знаменосцемъ борцовъ противъ отжившихъ свой вѣкъ устоевъ крѣпостничества и бюрократизма. Гоголь былъ не только малороссомъ, нѣжно и сознательно любящимъ свою родину, не только человѣкомъ, имѣвшимъ полное право сказать „homo sum et nil humani a me alienum esse puto“, но онъ былъ и славяниномъ въ лучшемъ смыслѣ этого такъ часто непонимаемаго и нецѣнимаго у насъ слова: какъ славянинъ, онъ въ разсматриваемую эпоху только и могъ, только и долженъ былъ пойти по тому пути, по которому онъ пошелъ, чувствуя въ себѣ силы необятныя, сознавая себя незауряднымъ человѣкомъ и не желая употребить этихъ незаурядныхъ силъ на культурно-литературное разобіеніе двухъ крупнѣйшихъ вѣтвей славянства.

Что представлять собою славянскій міръ въ пору выступленія Гоголя на литературное поприще и въ пору расцвѣта его творчества? Нашемъ съ передовыхъ борцовъ славянства Чеховъ, съ которыми Гоголь былъ знакомъ даже путемъ личнаго общенія съ ихъ національными

вождями, какъ видно напр. изъ его переписки съ Шафарикомъ (Шенрокъ, письма I, 595) изъ его записи въ альбомѣ В. Ганки: о чехахъ онъ могъ много слышать въ домахъ своихъ московскихъ друзей, напр. Шевырева, у котораго домашнимъ учителемъ быть одно время известный чешскій національный борецъ К. Гавличекъ Боровскій, переводчикъ, замѣтимъ кстати, произведений Гоголя на чешскій яз., у Погодина, столь близкаго къ вождямъ чешскаго національнаго возрожденія, у Хомякова, Аксаковыхъ, Бодянскаго, и т. д., и т. д. Напрягая отъ времени Добровскаго, Дуриха, Добнера и до разсматриваемой эпохи, выдвинувшей Юнгмана, А. Пухмайера, А. Марка, Челаковского, Ганку, Шафарика, Палацкаго и Гавличка, въ силу къ тому, чтобы противопоставить патску воцѣвствующаго германизма свой національный языкъ, свою литературу и науку, передовые борцы чешской идеи шли одинъ за другимъ неуклонно, шли сознательно и дружно, шли съ энтузіазмомъ славянъ, но съ послѣдовательностью и методичностью нѣмцевъ.

Но и при этой послѣдовательной, методичной и стойкой борьбѣ закаленнаго въ испытаніяхъ народа, имѣвшаго и славное прошлое, и прочныя традиціи, хотя бы потому, что онъ далъ нѣкогда міру трехъ великихъ Яновъ (Гусъ, Жижка, Коменскій), пеходъ борьбы во времена Гоголя былъ еще очень не ясенъ и, при всемъ своемъ героизмѣ и вѣрѣ въ себя, чешскій народъ въ лицѣ указанныхъ своихъ вождей и ихъ послѣдователей обращалъ свои взоры съ надеждой не въ иное мѣсто, какъ на Россію: въ ея мощи, въ самомъ фактѣ ея существованія видѣли чехи Возрожденія свою опору; личныя связи чешскихъ „будителей“ съ русскими ихъ друзьями, оказывавшими имъ гл. об. моральную, по иногда и матеріальную поддержку, вели къ тому, что свѣдѣнія о Россіи и русскомъ въ первыя десятилѣтія русско-чешскихъ литературныхъ и культурныхъ связей черпались преимущественно отъ тѣхъ немногихъ русскихъ людей, которые интересовались чехами и были знакомы съ тѣми или иными чешскими дѣятелями: то были по преимуществу русскіе сановники, въ родѣ Румянцева, Шишкова и т. д., русскіе ученые въ родѣ Кешена, Бодянскаго, Погодина, Шевырева, Срезневскаго и русскіе дѣятели литературы, какъ Карамзинъ, Гречъ, Сенковский, Булгаринъ и т. д. Занимая высокое и обезпеченное положеніе у себя на родинѣ, что особенно льстило чехамъ, друзья чеховъ, въ родѣ вышеуказанныхъ русскихъ сановниковъ и т. сказать „генераловъ“ отъ науки, литературы и журналистики“ поставляли обнаруживающимъ сильный интересъ къ Россіи чехамъ свѣдѣнія, рисующія Россію преимущественно съ свѣтлой, лицевой стороны; изнанка не показывалась: величіе Россіи, ея сила, мощь, быстрые успѣхи въ ней просвѣщенія,

литературы, науки — таковы были обычные темы русских писем к чешским будителям, переводимых и переиздаваемых потом в чешских газетах и журналах; в том же направлении с консервативной основной тенденцией, с преклонением перед русским строем замечательные обыкновенно чехами сведения о России и из иностранных, преимущественно немецких, источников; естественно, что в своей борьбе с культурным и мощным врагом германизмом — чехи, как и другие славяне, искали опоры в сильном славянском собрате, и именно со стороны силы и с положительной стороны хотели видеть его. Такова была тенденция „лучших“ с национальной точки зрения чешских людей, чешских „будителей“. Но наряду с „будителями“, искавшими если не политической и материальной, то по крайней мере нравственной поддержки в идее славянской взаимности и русско-чешского сближения, имело место течение и враждебное славянской идее и руссофильству, течение или игнорировавшее все русское, или выставлявшее его в самом неприглядном свете; такова была преимущественно тенденция чешских ренегатов, поборников германизма и немецкого языка, работавших либо перед папским Римом, либо перед императорской Вьной. То, что сказано нами о представителях чешской национальной идеи в их отношении к России и ко всему русскому, имело место в рассматриваемую эпоху в отношении к России почти у всех борющихся за свое национальное „я“ с немцами, мадьярами, турками и т. д. славянь, кроме разве только поляков, взгляды которых на Россию, по многим понятным причинам, были не таковы, как у чешских, сербских, хорватских, словенских, словацких, а позднее болгарских борцов за отчизну. Знакомство Гоголя с славянским миром, особенно с чехами и сербами, именно в указанную пору могло только поддержать его на том общерусском, вместо специально украинского, пути, на который он самостоятельно вступил при первых своих шагах на литературном поприще. В Ижмце и в первые годы его литературной деятельности в Петербург украинство, при всей любви Гоголя к Украинце, не могло не казаться ему провинциализмом; Петербургскія и Московскія знакомства, а впоследствии и такія знакомства, как с Шафариком, Ганкой, могли лишь поддержать его в том отношении к России, которое было в то время господствующим у большинства славянских борцов за национальность.

Знания настоящей России было, несомненно, мало, как у одних славян, представивших в ней все в слишком розовом свете, так и у других, чрезмерно егущавших краски в отношении ко

всему русскому. Русскій прогрессистъ, поклонникъ Пушкина, Гоголя и т. д. и противникъ пользующихся у чеховъ начала XIX в. незаслуженною извѣстностью Греча, Сенковского и Булгарива, Мельгуновъ черезъ посредство составленнаго подъ его руководствомъ нѣмцемъ Кенигомъ обзора русской литературы, первый прокладываетъ путь, чуждый какъ ложной идеализаціи, такъ и тенденціозному униженію русской стихіи на чешской почвѣ. Въ обрисовкѣ Мельгунова-Кенига (*Kwěty*, 1840, рѣ. LXV, 70, *Noweliste ruštj od K. S. (König)*) Гоголь выступаетъ впервые въ болѣе или менѣе соответствующемъ правдѣ видѣ передъ чешскою читающею публикой.

Помѣщенный сначала Кенигомъ въ „*Literarische Bilder aus Russland*“ Мельгуновскіе очерки русской литературы съ характеристикой поэтовъ, какъ Баратынскій, Бенедиктовъ, Дельвингъ, Жуковскій, Языковъ и др., несимпатичныхъ автору беллетристовъ Сенковского, Булгарина и Греча и сочувственно изображаемыхъ имъ Гоголя, Одоевскаго, Павлова и др. получили какъ на нѣмецкой, такъ и на чешской почвѣ широкое благодаря популярности журнала „*Kwěty*“ распространеніе.

Гоголь, правда, пока съ чужого голоса, именно съ русскаго черезъ нѣмецкое посредство, обращаетъ на себя чешское вниманіе.

На границѣ 30 и 40 годовъ знакомится чешская публика и съ творчествомъ Гоголя благодаря переводамъ изъ Гоголя, при чемъ первыми переводами являются переводы произведеній на украинскія темы: наблюдаемый въ начальные годы чешскаго возрожденія интересъ къ малороссійской народной поэзіи подготавливаетъ почву для успѣха первыхъ переводовъ украинскіхъ повѣстей Гоголя, каковыми являются помѣщенный въ журналъ „*Kwěty*“ ¹⁾ за 1839 г. переводъ Тараса Бульбы извѣстнымъ другомъ Гавличка чешскимъ писателемъ В. Запомъ и слѣдовавшій за нимъ переводъ отрывка изъ „Вія“ въ „*Č. Wěsta*“ ²⁾ 1846 года самимъ Гавличкомъ, этимъ первымъ глашатаемъ Гоголевской извѣстности на чешской почвѣ. ³⁾

Въ то время, когда въ русской литературѣ слава Гоголя основывалась уже не на украинскіхъ его повѣстяхъ, а на такихъ произведеніяхъ огромнаго общественнаго значенія, какъ „Ревизоръ“⁴⁾ и „М.

¹⁾ *Kwěty*, 1839, 125.

²⁾ *Č. Wěsta* 1846, 35. *Kužewští studenti jak byli před časy*.

³⁾ Первою переводчицею произведеній Гоголя на чешскій языкъ была жена Шафарика, какъ видно изъ писемъ Бодянекаго (мартъ 1838 г. и июль 1838 г.) Погодину и изъ письма Шафарика 5 янв. 1841 г. Погодину; переводы эти, насколько намъ извѣстно, въ печати не появились.

Души", гдѣ при несомнѣнной побѣдѣ къ Россіи и вѣрѣ въ нею не задумался собрать все дурное въ Россіи, чтобы разомъ поумъяться надъ нимъ, въ Россію пона везть, какъ извѣстно, одинъ изъ виднѣйшихъ національных борцовъ и писателей чешскаго народа К. Гавличекъ Боровекій, поступившій въ 1842 г., какъ разъ въ годъ выхода въ свѣтъ 1 т. М. Душъ, воспитателемъ въ семью тѣсно связаннаго съ Гоголемъ и его друзьями С. П. Шевырева. „W našem domě a u Pogodina, пишеť Гавличекъ въ 1843 г. 1 kwět. Zauvč), jest středotočna celého národního a upřímného úsilí o zdokonalení ruské literatury. . . Gogol sám nebydli w Moskwě, ale za to jest u nas (u Šewyrewa) sklad jeho spisů, a od nas se prodávají knihkupcem. Odbýt na ně jest ohromný. „Mrtvé duše" již jsou rozprodány, ačkoliw jest exempl. za 14 zlat. Jenom jeden díl". Убѣдившись т. обр. воочию въ успѣхъ Гоголевскаго творчества и, несомнѣнно, не мало слышавшій о Гоголѣ и его произведеніяхъ въ кругу его и своихъ московскихъ друзей въ родѣ Шевырева, Погодина, Хомякова и др., Гавличекъ, вообще не отличавшійся знакомствомъ съ русской литературой, что вполнѣ понятно для такъ горячо занятаго своимъ національнымъ дѣломъ народнаго борца и „будителя", оцѣнить крупное значеніе не только для Россіи, но и для славянства Гоголя: естественно, что такая кипучая, активная натура, какъ Гавличекъ, постарался познакомить своихъ соотечественниковъ съ творчествомъ русскаго писателя, представившаго Россію не въ томъ розовомъ свѣтѣ и не въ томъ мрачно безотрадномъ, въ какомъ рисовалась она двумя противоположными теченіями начальной чешской литературы и журналистики.

На какія стороны русской жизни обратить свое вниманіе первый среди чеховъ поклонникъ Гоголя, какъ представлялась ему русская жизнь, видно изъ его сочиненія „Образъ з Русъ", специально посвященнаго описовкѣ и оцѣнкѣ разныхъ сторонъ русской жизни, а также изъ его „Křest sv. Vladimira", гдѣ передъ нами аллегорическое изображеніе и критика Николаевской Руси, изъ его эпиграммъ и наконецъ изъ его многочисленныхъ писемъ о Россіи, вошедшихъ въ изданіе L. Quis, *Korrespondence K. Havlíčka Boroyského*.

4) *Korrespondence K. Havlíčka B., L. Quis, 1903, 101—102.* Въ нашемъ домѣ и у Погодина средоточіе самаго горячаго народнаго стремленія къ усовершенствованію русской литературы. . . Самъ Гоголь не живетъ въ Москвѣ, но зато у насъ (у Шевырева) складаť его сочиненій, и отъ насъ они продаются книготорговцамъ. Сбытъ ихъ огромный. „Мертвыя души" ужъ распроданы, хотя экземпляръ ихъ (одна только часть) стоить 14 гульд.

Несомнѣнный прогрессистъ по убѣжденіямъ, другъ Россіи, по естественной поклонникъ ея, чехъ прежде всего и затѣмъ уже славянинъ, Гавличекъ, какъ убѣждаемся мы изъ чтенія его произведеній и переписки, недавно только изданныхъ въ полномъ видѣ, подошелъ въ пониманіи Россіи и русскаго народа близко къ пониманію ихъ Гоголемъ: не въ одной потому случайности пребыванія въ Московскихъ кругахъ, близкихъ къ Гоголю, усматриваемъ мы причину особеннаго вниманія Гавличка къ Гоголю, а также и въ средствѣ реализма, критическаго отношенія къ окружающей дѣйствительности, гражданского направленія и юмористической жилки у Гоголя и у Гавличка.

Въ письмахъ къ своему другу, чешскому издателю, писателю и первому чешскому переводчику изъ Гоголя В. Запу Гавличекъ въ 1843—4 г. неоднократно пишетъ о Гоголѣ, напр. извѣщая своего корреспондента о выходѣ собранія сочиненій Гоголя въ 1842 г. въ 4 томахъ¹⁾, сообщая объ усовершенствованной отдѣлкѣ и увеличеніи въ объемѣ повѣсти „Тарасъ Бульба“²⁾, объ успѣхъ Гоголевскихъ произведеній на Московской сценѣ³⁾, о быстрой распродажѣ „М. Душъ“⁴⁾ и общаетъ ему прислать переводы изъ Гоголя для издаваемого Запомъ „Zreadlo“⁵⁾. Основаніемъ, по которому Гавличекъ выбираетъ переводы именно изъ Гоголя, является его убѣжденіе, что, при недостаточности въ русской литературѣ, оригинальныхъ сочиненій, Гоголь представляетъ счастливое исключеніе: „Vám, jakožto znatelé wěci, pišeť oně Zapu 24 ějina 1843 g., právím, že my Čechowé třebas jsme neměli co jist, předce za nějaký čas co do důkladnosti a originálnosti nebudeme mít Rusům co záwidět. Posud znám jen Hohola: všichni jiní (i s Puškinem) jsú jenom tak ěka: imitatorum pecus“⁶⁾. Если слишкомъ скорооснѣлымъ и неосновательнымъ является отзывъ Гавличка о Пушкинѣ, какъ о „подражателѣ“, то признаніе оригинальности Гоголя свидѣтельствуесть о серьезномъ

1) Korrespondence K. Havlíčka Borovského, стр. 92—1 kw. 1843.

2) Тамъ же.

3) 3 kw. 1843, Korresp. 99.

4) 3 kw. 1843, Korresp. 102.

5) 24 ějina 1843—Korresp. 106.

6) Вамъ, какъ знатоку дѣла, сообщу, что намъ чехамъ, хоть бы и вѣтъ было нечего, но въ непродолжительномъ времени не въ чемъ будетъ завидовать русскимъ въ смыслѣ основательности и оригинальности. До сихъ поръ можно назвать одного лишь Гоголя: вѣсь остальные (и съ Пушкинымъ вмѣстѣ) являются такъ сказать лишь „imitatorum pecus“.—Korresp. 110.

отношении къ творчеству этого писателя, говоря о драматических произведениях котораго Гавличекъ признаетъ, что Гоголевскія произведения являются въ Московскомъ репертуарѣ наилучшими¹⁾. Помимо оригинальности, Гавличекъ отмѣчаетъ у Гоголя комическій даръ, а также забавность повѣстей, изъ которыхъ онъ обѣщаетъ прислать Запу сдѣланный имъ уже въ 1843 г. переводъ „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“, называемыхъ „Filimon a Baucis“, „Повѣсти о томъ, какъ поссорились Ив. Ив. съ Ив. Ник.“ и отрывка изъ Вѣд. сошлута вмѣстѣ съ тѣмъ Запу заняться передѣлкой и пополненіемъ своего перевода Гоголевскаго „Тараса Бульбы“ по новому Гоголевскому изданію²⁾. Надо однако замѣтить, что послать свои переводы изъ Гоголя Запу для его „Zrcadlo“ Гавличку не удалось, т. к. 4-го выпуска „Zrcadlo“, для котораго предназначались Гавличкомъ его переводы изъ Гоголя, не вышло, и Гавличекъ помѣтить переведенныя имъ повѣсти Гоголя частью въ журналѣ „Česka Wěsta“, частью въ „Zabavne spisy M. Gogola“. Занившись переводами произведеній Гоголя на чешскій языкъ еще въ Москвѣ, Гавличекъ за Московскій періодъ своей жизни знакомить съ корифеемъ русской литературы лишь своего корреспондента Запу, но болѣе же широкой путь ознакомленія съ Гоголемъ чешскаго общества Гавличекъ выстаетъ уже по своемъ возвращеніи на родину, когда въ качествѣ популярнаго публициста и народнаго борца, запечатлѣвавшего свою борьбу ссылкою въ Бриссенѣ, онъ выпускаетъ одинъ за другимъ удачно сдѣланные, близкіе къ оригиналу, хотя и не свободные иногда отъ неправильнаго пониманія оригинала переводы Гоголевскихъ „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“³⁾, Носа⁴⁾, отрывка изъ Вѣд. Шинели⁵⁾, Повѣсти о томъ, какъ поссорились Ив. Ив. съ Ив. Ник⁶⁾, М. Душ⁷⁾ и Лакейской⁸⁾.

При переводѣ важнѣйшаго изъ Гоголевскихъ произведеній „М. Душъ“ для популярной у себя на родинѣ газеты, Гавличекъ даетъ

1) 3 kw. 1843, Korresp. 99.

2) Korrespondence, 112—113.

3) Staroměstska slechta, 1845, Bibl. zab. čt. V, 33.

4) Nos, 1845, Bibl. zab. čtení V, 102.

5) Kxjewští studenti, jak byli před časy, Č. Wěsta, 1846, 35.

6) PlašC, 1847, Zab. spisy Gogola.

7) Pověst o tom, kterak se rozhnevali pan Matěj s panem Matoušem, 1847, Zab. spisy Gogola.

8) Mrtve duše, Nar. Nov. 1849, 156—207.

9) Lokajství, Nar. Nov. 1849, 221.

такое объяснение своего выбора: „Doufám, že právě v této době se zavděčím obecenstvu, seznamím-li je s tímto *neiznámějším dílem prvního humoristy ruského, zvláště proto, že se v tomto spísu celmi dobře líčí rozličné ruské charaktery*“). Признавая т. обр. Гоголя вѣрнымъ изображателемъ русскихъ характеровъ, видя въ немъ перваго русскаго юмориста, Гавличекъ особенно подчеркивать въ своихъ отзывахъ о Гоголѣ веселость, забавность его твореній; глубокой общественной смыслъ Гоголевскихъ произведеній оказался недоступнымъ пониманію знаменитаго чешскаго патріота и публициста, но зато оригинальность, свѣжесть, а также психологическая и историческая правда произведеній Гоголя были подчеркнуты его первымъ виднымъ чешскимъ переводчикомъ при своихъ замѣчаніяхъ о переводимыхъ произведеніяхъ.

Но какъ бы правильно или не правильно ни смотрѣть самъ Гавличекъ на переведенныя имъ произведенія Гоголя, самый текстъ переводовъ изъ Гоголя, правильно передававшій подлинникъ, говорилъ за себя; популярностъ же переводчика и изданій, въ которыхъ печатались переводы Гоголевскихъ произведеній, обезпечивали вниманіе широкихъ круговъ чешской публики къ Гоголю.

Отъ К. Гавличка и вплоть до усиленнаго движенія чеховъ въ концѣ прошлаго вѣка въ сторону изученія русскаго языка ознаменованіе съ Гоголемъ въ Чехіи шло по двумъ направленіямъ, а именно съ каждымъ годомъ росло число переводовъ Гоголевскихъ произведеній на чешскій языкъ съ одной стороны, а съ другой стороны развивалась мало по малу чешская литература біографическихъ и критическихъ статей о Гоголѣ.

Что касается переводчиковъ, то далеко не всѣ изъ нихъ приступали къ своему дѣлу съ достаточной серьезностъю и достаточнымъ знаніемъ русскаго языка и русскаго жизни, и ничего напримѣръ не стоило переводчикамъ даже такимъ, какъ Гавличекъ, смѣшивать „обѣды“ и „обѣдня“, ключница и кухарка и т. д.²⁾ К. Гавличекъ и К. Стефанъ, одинъ изъ старшихъ чешскихъ переводчиковъ Гоголя, имѣли значительное преимущество передъ многими изъ своихъ преемниковъ.

1) „Надѣюсь, что именно въ настоящее время я заслужу благодарностъ общества тѣмъ, что познакомлю его съ этимъ замѣчательнѣйшимъ произведеніемъ перваго русскаго юмориста, въ особенности потому что въ этомъ произведеніи превосходно изображены различные русскіе характеры“.

2) См. В. А. Францевъ, Гоголь въ чешской литературѣ, стр. 23, прим. 32.

переводчиковъ Гоголя, въ томъ отношеніи, что переводили несомнѣнно съ русскаго подлинника, тогда какъ позднѣйшіе переводчики порой обнаруживали пристрастіе къ посредству нѣмецкихъ переводовъ изъ Гоголя: русскій оригиналь оказывалъ между прочимъ вліяніе на старѣйшіе чешскіе переводы изъ Гоголя въ смыслѣ сравнительнаго обилія въ нихъ руссизмовъ. Какъ у перваго извѣстнаго намъ чешскаго переводника изъ Гоголя К. Запа, такъ и у Гавличка, и у Стефана чешскій переводъ снабжается обыкновенно пояснительными примѣчаніями, свидѣтельствующими какъ о вдумчивомъ отношеніи къ тексту, такъ и о довольно основательномъ знакомствѣ съ русскимъ языкомъ и русской жизнью; у позднѣйшихъ же переводчиковъ часто никакихъ примѣчаній указаннаго свойства мы не находимъ.

Заставляли нѣрѣдко многого желать чешскіе переводы изъ Гоголя и въ смыслѣ полноты, а также и въ смыслѣ систематичности въ подборѣ переводимыхъ произведеній.

Случайный характеръ переводовъ изъ Гоголя печель у чеховъ лишь съ появленіемъ издаваемой выдающимся чешскимъ патриотомъ и культурнымъ дѣятелемъ І. Отто „Русской бібліотеки“ (Ruska knihovna), X, XIII и XVI-й томы которой представляютъ собою первый чешскій опытъ дать читателямъ собраніе сочиненій Гоголя въ полномъ по передачѣ русскаго оригинала, точныхъ и изящныхъ чешскихъ переводахъ Иг. Гошека (Jg. Hošek).

Какъ переводчикъ Гоголевскихъ произведеній въ Оттовомъ изданіи Игн. Гошекъ, такъ и редакторъ Я. К. Грубый употребили все усилія, чтобы это изданіе Гоголевскихъ переводовъ на чешскій языкъ оказалось на надлежащей высотѣ, и если можно что поставить въ вину и этому изданію, то только отсутствіе въ немъ перевода нѣкоторыхъ изъ Гоголевскихъ произведеній, напр. Перенесеніи съ друзьями, Авторской исповѣди, Женитьбы и т. д. Проблѣть этотъ, несомнѣнно легко пополнимый, надо полагать исчезнуть съ появленіемъ еще одного посвященнаго Гоголю томика Оттовой Русской Библіотеки, и тогда чехи будутъ избавлены отъ упрека, что до сихъ поръ, черезъ 100 лѣтъ послѣ рожденія Гоголя и черезъ 50 слишкомъ лѣтъ послѣ его смерти, у нихъ нѣтъ еще перевода полнаго собранія сочиненій Гоголя, хотя все важнѣйшія его произведенія переведены сплошь и рядомъ не одинъ разъ.

Знакомясь съ творчествомъ Гоголя благодаря переводамъ его произведеній на чешскій языкъ, чехи получали въ журнальныхъ статьяхъ, появившихся по случаю смерти Н. В. Гоголя¹⁾, а также въ

¹⁾ Pražské Noviny 1852, №№ 98—100, 123, 165—6; Lumír 1852, № 11.

предпочтаемыхъ переводахъ введеніяхъ или въ постъсловіяхъ біографическія свѣдѣнія о писателѣ, не отличающіеся однако обыкновенно полнотой, но достаточныя для представленія его облика и важнѣйшихъ событій его жизни¹⁾; то же относится и къ біографическимъ статьямъ о Гоголѣ, вошедшимъ въ извѣстныя чешскія энциклопедіи Ригера²⁾ и Отто³⁾. Наидумными біографическими очерками о Гоголѣ въ настоящее время представляются намъ у чеховъ очерки Игн. Гошека при переводѣ М. Душъ⁴⁾ и д-ра I. Караска въ юбилейномъ изданіи „Gogol mladeži“⁵⁾.

Довольно многочисленными въ чешской литературѣ являются критическія замѣтки о творчествѣ Гоголя въ цѣломъ и объ отдѣльныхъ его произведеніяхъ; особенно много такихъ замѣтокъ разсыяно по чешскимъ періодическимъ изданіямъ, какъ напр. Kwětu, Lumír, Slovanský sborník, Světozor, Osvěta и др.

Оцѣнка въ большинствѣ случаевъ дается сочувственная; не рѣдко наблюдается приподнятость тона, какъ напр. въ слѣдующемъ отзывѣ о Гоголѣ, сдѣланномъ еще при жизни писателя: „Гоголь одна изъ первѣйшихъ звѣздъ на небосклонѣ русской литературы, одинъ изъ главнѣйшихъ столповъ русской романтики. Творенія его, вышедшія въ прошломъ (1846) году во французскомъ переводѣ, стали достояніемъ всего просвѣщеннаго міра, а отнынѣ будутъ украшеніемъ и въ сокровищницѣ нашей литературы“⁶⁾.

Дальше отмѣчается въ произведеніяхъ Гоголя правильное изображеніе двѣхъ дѣйствительной, неподдѣльной жизни Россіи и т. д. Одни характеризуютъ Гоголя главнымъ образомъ, какъ романтика, другіе, какъ художника реалиста, третьи, какъ замѣчательнаго юмориста; лишь общественное значеніе Гоголевскаго творчества останется обыкновенно неотмѣченнымъ.

Нельзя не замѣтить, что точка зрѣнія на Гоголя и его творчество устанавливается у чеховъ въ значительной степени подъ русскимъ вліяніемъ благодаря переводнымъ трудамъ, начиная отъ Мель-

1) См. напр. Slov. Besedy, Ročn. II. Mrtve duše, př. Vavra, str. 145—164.

2) Slovník Naučný, red. Fr. L. Rieger 1863, III, 431—32.

3) Ottův Slovník naučný X, 252.

4) Ruská knihovna, X, 393—400.

5) Gogol mladeži. Nakl. Vilímka 1909, str. 245—255.

6) Kwěty 1847, str. 344.

гунова¹⁾, Бѣлицкаго²⁾ и т. д. вплоть до Стабичевскаго³⁾, О. Миллера⁴⁾ и др.

Монографіи о Гоголь и его творчествѣ, построенныхъ на самостоятельномъ изслѣдованіи его произведеній, писемъ, матеріаловъ по біографіи, чешская наука пока не дала въ такой хотя бы мѣрѣ, какъ у болгаръ, у которыхъ мы можемъ назвать докторскую диссертацію, писанную, правда, на французскомъ языкѣ, болгаркой, Райной Търневой (1901).

При томъ интересѣ, который русская литература вообще и Гоголь въ частности стали вызывать у чеховъ со времени введенія въ Прагскомъ университетѣ лектуръ русскаго языка, съ ростомъ чешскихъ кружковъ любителей русскаго языка, съ распространеніемъ чешскихъ переводовъ изъ Гоголя и т. д., надо полагать, что не далеко то время, когда чешскіе историки литературы и критики дадутъ самостоятельную и оригинальную оцѣнку значенія Гоголя какъ для русскихъ, такъ и для чеховъ.

Самостоятельная же чешская поэтическая оцѣнка Гоголя дана уже въ наше время талантливейшимъ изъ современныхъ чешскихъ поэтовъ, Яр. Врхлицкимъ, который, какъ поэтъ, попытъ душу Гоголя и слѣдующимъ образомъ охарактеризовать его въ стих. „Gogol“⁵⁾

1) Kwěty, 1840, рѣ. № XVII.

2) Rozhledy literární 1887, № 11.

3) Slovanský sborník 1886.

4) Liter. listy 1890.

5) J. Vrhlický. Dojmy a rozmary 1880, str. 226. Переводъ В. В. Данилова, бывшаго Нѣжинскаго студента:

„Онъ міръ обнять своей душою цѣлый;
Онъ зналъ людей, зналъ въ людяхъ каждый грѣхъ;
И вотъ, какъ громъ, его раздался смѣхъ,
Какъ будто Богъ металъ во гнѣвъ стрѣлы.
И человекъ дрожаль предъ нимъ, несмѣлый.
Спокойно онъ все оцѣнилъ и всѣхъ,
И вдаль отъ всѣхъ людскихъ утѣхъ
Скорбѣть за міръ, во злѣ закоренѣлый.
Онъ, какъ титанъ, ловилъ громады словъ,
И создавалъ колоссъ необычайный,
Какъ будто бы вступилъ онъ съ Богомъ въ споръ.
Въ его словахъ и шумъ съдыхъ лѣсовъ,
И вздохъ степей въ нихъ слышится намъ тайный,
И виденъ тонкій Чичикова взоръ“.

Vše objal duchem, bytť jak svět celý,
 vše lidi znal v jich etnostech a jich hřichu,
 a nad vším rozpoutal bouř svého smíchu,
 jak buh rozházel svého hněvu střely.

On smál se dál a lidé kol se chvěli,
 on klidně všeeku velkost jich a pýchu,
 v nich svázil — ale při tom trpěl v tichu,
 nes všecky jejich bludy, molby, žely.

Jak titan chytal směle skály slov,
 a stavěl v stálém smíchu kolos bájný,
 jak s bohem o závod kdo více stvoří.

A lesu ruch a stepi smutek tajný,
 vše dýše z jeho básně rovné moři,
 z níž na vás „bratře“ volá Čičikov“.

Ир. Врхлицкій, тициный чешскій поэтъ-западникъ, почувствовать свою славянскую душу еродныя струны въ Гоголевской лирѣ и далъ въ упомянутомъ сонетѣ оцѣнку Гоголю: подобно тому, какъ Гавличекъ прокладываетъ первыя борозды Гоголевской извѣстности на чешской почвѣ, такъ популярный чешскій поэтъ нашего времени содѣйствовать своимъ вдохновеннымъ сонетомъ расширенію этихъ бороздъ въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ на чешской культурной пшвѣ. Стихотвореніе Врхлицкаго о Гоголѣ интересно для насъ не только, какъ показатель пониманія однимъ славянскимъ поэтомъ другого, но и какъ образчикъ немногочисленныхъ еще въ чешской литературѣ стихотворныхъ посвященій Гоголю. Намъ извѣстно пока еще одно чешское стихотвореніе на смерть Гоголя, помѣщенное въ журналъ „Lumír“ за 1852 г. и являющееся не оригинальнымъ, а переводнымъ: это сдѣланный Ганкою переводъ извѣстнаго стихотворенія Берга „Ударилъ часъ,—и вѣтъ у насъ его“¹⁾. Если 50 лѣтъ тому назадъ чешскій поэтъ не могъ поэтически возсоздать образъ Гоголя и принужденъ былъ довольствоваться переводомъ, то въ наше время чешскій поэтъ и въ этомъ отношеніи сдѣлалъ значительный шагъ впередъ въ отношеніи къ Гоголю.

¹⁾ Lumír 1852. № 8. Начало:
 Udeřil čas—i není Ho u nás!
 Zpytave ještě zakřylo se oko!
 Ještě nepovstal ani jeden z nás,
 Kdoby znal Rus' v životě tak hluboko...

Благодаря Гавличку, переведившему Гоголевскія произведенія и старавшемуся заинтересовать чешскаго читателя этимъ русскимъ писателемъ, имя Гоголя и его переведенныя на чешскій языкъ произведенія могли дѣлаться извѣстными той генераціи чешскихъ писателей, которые выходили изъ школы Гавличка. Воспитывавшіеся на Гавличковъхъ произведеніяхъ, въ которыхъ не мало чертъ, родственныхъ типичнымъ чертамъ Гоголевскаго творчества, чешскіе писатели типа извѣстнаго Я. Перуды сознательно или безосознательно вносили въ свое творчество тѣ черты трезваго реализма, тонкаго юмора и высокой художественности, которыя отличали какъ произведенія Гоголя, такъ и произведенія его чешскаго поклонника К. Гавличка. Къ сожалѣнію, это Гоголево-Гавличковское реалистическое направленіе удержалось не долго въ чешской литературѣ, и она свернула на иной путь, такъ удачно охарактеризованный чешскимъ писателемъ въ юбилейной статьѣ о Гоголѣ въ газетѣ „Čas“. Въ наши дни уже не столько подъ вліяніемъ Гоголя, Гавличка и Перуды, сколько подъ вліяніемъ новѣйшихъ русскихъ и скандинавскихъ художниковъ-реалистовъ наблюдается въ чешской литературѣ снова поворотъ въ сторону общественно-реалистическаго пути, завѣщаннаго Гоголемъ и его талантливыми чешскими послѣдователями. Надо полагать, что, вернувшись на плодотворный путь художественнаго реализма гражданско-обличительнаго направленія, чешская литература принесетъ еще не мало пользы дѣлу общественнаго и нравственнаго развитія своего народа, какъ это сдѣлала и дѣлаетъ русская художественно-реалистическая литература обличительнаго направленія, вышедшая изъ школы Гоголя и насчитывающая въ своихъ рядахъ такія силы, какъ Тургеневъ, Л. Толстой, Гончаровъ, Достоевскій, Островскій, Некрасовъ и т. д.

Почетной извѣстностью пользуется у чеховъ Н. В. Гоголь и какъ драматургъ. „Ревизоръ“, поставленный впервые на сценѣ чешскаго театра 21 апрѣля 1865 г. въ переводѣ Гуттара (J. Huttar), не сходитъ съ чешскаго репертуара и пользуется успѣхомъ у чешской публики: довольно значительнымъ является число переводовъ этой комедіи Гоголя: такъ, помимо двухъ извѣстныхъ по отзывамъ печати чешскихъ переводовъ Гуттара¹⁾ и Бендья²⁾, можно назвать переводы J. S. въ 1867 г. и 1882 г. и J. Hošek въ 1892 и 1902 г., при чемъ отмѣтимъ, что Гошекъ присовокушилъ къ переводу „Ревизора“ переводъ „Развязки Ревизора“, а Отто въ своемъ изданіи „Ревизора“ въ „Světová knihovna“ добавилъ къ тексту цѣнную монографію К. Кольмана (К.

1) Книжн. Вѣстн. 1865, № 10.

2) Lumír 1865, 175; Rozhl. liter. 1881, 112.

Kohlman) о Гоголевском Ревизорѣ. Интересно отмѣтить, что въ годъ первой постановки Ревизора на чешской сценѣ мы встрѣчаемся съ постановкой 20 декабря того же 1865 г. драматизированной Гоголевской повѣсти „Тарасъ Бульба“, а именно „Taras Bulba, obraz kozackého života na Ukrajině v 5 odděl. Dle romanu N. V. Gogola pro česke divadlo vzdělal J. S. Huneč¹⁾“.

Изъ второстепенныхъ драматическихъ произведеній Гоголя ни „Женитьба“, ни „Тяжба“ пока не дождался перевода на чешскій языкъ: „Игроки“, переведенные въ 1885 г. П. Дурдикомъ, поставлены были 9 января 1885 г. въ чешскомъ „Národní divadlo“ и, судя по отзывамъ печати²⁾, прошли съ успѣхомъ.

Мало разработаннымъ въ наукѣ является пока вопросъ о личныхъ отношеніяхъ Гоголя къ чехамъ, встрѣчавшимся съ нимъ въ Прагѣ, Карловыхъ Варахъ и т. д.: извѣстно пока только, что Гоголь былъ знакомъ съ Шафарикомъ³⁾ и Ганкой⁴⁾, при чемъ въ альбомѣ послѣдняго подъ 5 и августа 1845 г. вписалъ: „Гоголь желаетъ здѣсь Вячеславу Вячеславичу еще сорокъ шесть лѣтъ ровно, для пополнения 100 лѣтъ, здравствовать, работать, печатать и издавать во славу славянской земли и съ такимъ же радушіемъ привѣтствовать всѣхъ русскихъ (sic!) къ нему забѣгающихъ, какъ нынѣ“. Встрѣчался ли и былъ ли лично знакомъ Гоголь съ другими замѣчательными дѣятелями чешскаго національнаго возрожденія, сказать пока трудно, но уже знакомство съ Шафарикомъ и Ганкой, и вниманіе Гоголя къ трудамъ и библиотекѣ перваго и къ работѣ втораго въ качествѣ „всеславянскаго консула“ и горячаго руссофила являются ручательствомъ того, что Гоголь не былъ такимъ профаномъ въ отношеніи къ Чехіи и чехамъ, какими являются и до сихъ поръ многіе образованные русскіе люди.

Въ свою очередь чехи отъ Челаковского⁵⁾, намѣревавшагося переводить сочиненія Гоголя, отъ Запа и Гавличка, начавшихъ эти переводы, до нашихъ современныхъ талантливыхъ переводчиковъ Гоголя Гошека и В. Прусика, отъ Гавличка и Ганки, знакомившихъ въ статьяхъ и замѣткахъ о Гоголѣ чешскую публику съ этимъ русскимъ писателемъ до авторовъ юбилейныхъ статей о Гоголѣ въ чешскихъ изданіяхъ 1902 и 1909 г. неуклонно стремились къ тому, чтобы

¹⁾ Францевъ. Гоголь въ чешской литературѣ, стр. 9.

²⁾ Slov. sborn. 1885, 111; Nar. Listy 1885, № 11.

³⁾ Францевъ. Гоголь въ чешской литературѣ, 3—7.

⁴⁾ Тамъ же 7—9.

⁵⁾ Письмо Бодянскаго Погодину 20 дек. 1837 г.

имя великаго русскаго писателя не было пустымъ звукомъ для образованнаго чеха и чтобы произведенія творца „Ревизора“ и „М. Дуняш“ вошли въ переводахъ въ духовную сокровищницу чешскаго народа. Уже за 50 лѣтъ послѣ смерти Гоголя, т. е. въ крайне незначительный для исторіи промежутокъ времени, не замедлило сказаться вліяніе Гоголевскаго реализма и юмора на чешскихъ писателей: съ возрастающимъ же за послѣднее время интересомъ чеховъ къ русской литературѣ, несомнѣнно, это вліяніе будетъ прогрессировать, и заѣзданныя знаменитымъ Бриксенскимъ узникомъ К. Гавличкомъ любви чеховъ къ Гоголю дасть свои благіе плоды какъ для чешскаго литературнаго развитія, такъ и для закрѣпленія духовныхъ узъ двухъ братскихъ народовъ.

Не останавливаясь въ данное время на отношеніяхъ къ Гоголю другихъ западныхъ славянъ, какъ то поляковъ, словаковъ и лужичанъ, а также оставляя до другаго времени разсмотрѣніе вопроса о значеніи Гоголя въ болгарской, хорватской и словенской литературахъ, ограничимся пока еще бѣлымъ разсмотрѣніемъ вопроса о Гоголѣ у того юго-славянскаго народа, который въ годъ столѣтняго Гоголевскаго юбилея переживаетъ одинъ изъ печальнѣйшихъ моментовъ своей многострадальной исторіи. Мы имѣемъ въ виду сербскій народъ, языкъ и литература котораго связаны многотысячными и тѣсными узами съ нашимъ языкомъ и литературой и рацы котораго, при недавней анекдотической Австріи роскошныхъ сербскихъ земель, болѣе всего отзывались во многихъ русскихъ сердцахъ. Русское имя, русскій языкъ и литература издавна пользуются живымъ сочувствіемъ на всемъ пространствѣ, гдѣ звучитъ сербская рѣчь, гдѣ бьются сербскія сердца и славится сербская слава. Эта территория сербской рѣчи очень значительна: она простирается отъ задумчиво склонившагося надъ стѣпнымъ Дунаемъ и Савы Бѣлграда, отъ терпящагося въ синевѣ горъ и топящаго въ зелени садовъ Ниша до неприступныхъ орлиныхъ гнѣздъ Черной Горы, до тужной Босны и гордой Герцеговины, отъ освѣщенныхъ на берегахъ голубой Адриатики рощами олеандръ и агавъ городовъ Далмаціи и Боки до свѣтлыхъ Фрунжской горы и до высокихъ Дечанъ, древняго Призрена и печальнаго поля Коссова. На всемъ этомъ пространствѣ въ культурныхъ слояхъ сербскаго общества, молодая литература котораго быстро идетъ впередъ, имя великаго писателя Пѣжина не является пустымъ звукомъ, и творчество Гоголя благодаря обилію сербскихъ переводовъ его произведеній не только пользуется признаніемъ и почетной извѣстностью, но и стало оказывать вліяніе на творчество нѣсколькихъ незаурядныхъ сербскихъ писателей-реалистовъ.

Благодаря тому, что русскій языкъ въ начальные годы сербскаго литературнаго возрожденія оказалъ значительное вліяніе на сербскій литературный языкъ и благодаря тому, что въ новое время, когда послѣ реформы Вука сербскій литературный языкъ сильно удалился отъ русскаго, зтотъ послѣдній изучается въ сербской средней и высшей школѣ, нѣтъ ничего удивительнаго, что произведенія русской литературы доступны сербскому читателю и въ оригиналѣ. Гоголевскія же произведенія, какъ приходилось намъ наблюдать въ разныхъ краяхъ сербства, читаются съ особымъ интересомъ, такъ какъ неоднократно можно слышать отъ сербовъ о близости и понятности для нихъ того міра, который Гоголь рисуетъ въ своихъ произведеніяхъ, въ особенности въ бытовыхъ и историческихъ украинскихъ повѣстяхъ: читая Гоголевскіе „Вечера“, сербъ чувствуетъ себя въ родственной знакомой средѣ, равно какъ, читая сельскіе рассказы хотя бы Янка Веселиновича, чувствуешь ароматъ природы и быта, столь близкихъ къ украинскимъ. Помимо средней и высшей школы, сербъ можетъ знакомиться съ русскимъ языкомъ вообще и съ произведеніями Гоголя въ частности въ цѣломъ рядѣ частныхъ сербско-русскихъ клубовъ и кружковъ любителей русскаго языка, въ которыхъ преподается русскій языкъ, приобрѣтаются и читаются русскія книги, устраиваются русскіе спектакли, юбилейныя празднества и т. д.

Знакомство сербовъ съ Гоголемъ въ оригиналѣ несомнѣнно особенно важно для проникновенія духомъ Гоголевскаго творчества, и у такихъ видныхъ дѣятелей сербской литературы, какъ І. Игнатовић, Я. Веселиновичъ, М. Глишичъ, С. Сремецъ, Л. Назаревичъ, Јов. Протић, и С. Матавулъ мы наблюдаемъ въ творествѣ слѣды Гоголевскаго вліянія и со стороны сюжетовъ, и со стороны освѣщенія жизненныхъ явленій и со стороны своеобразнаго, свойственнаго и малороссамъ, и сербамъ юмора. О вліяніи Гоголя на Ст. Сремца и М. Глишича говорить между прочимъ проф. Момч. Павлић: „непосредан Гоголев утицај онака се на једном од најврснијих следбеника Игнатовићевих на Стевану Сремцу, на кога деловаше не само Игнатовић, него очито и Гогољ. Још је видлији Гоголев утицај на хумористичним приповеткама и комедијама из српскога живота од Милована Глишића, једнога од најмарливијих преводилаца с рускога у онште, па и Гоголевих дела“¹⁾.

¹⁾ Помен Гогољу о 50-годишници смрти његове од М. Иванѣћа, Беогр. 1902, стр. 3—4. „Непосредственное Гоголевское вліяніе наблюдается на одномъ изъ наиблажѣйшихъ послѣдователей Игнатовича, на Ст. Сремцѣ, на котораго вліять не только Игнатовичъ, но и самъ Гоголь. Еще замѣтите вліяніе Гоголя на юмористическихъ повѣстяхъ и комедіяхъ изъ сербской жизни М. Глишича, одного изъ усердѣйшихъ переводчиковъ съ русскаго вообще и изъ Гоголя въ частности“.

Упомянутый М. Глишичъ, одинъ изъ даровитыхъ и влиятельныхъ сербскихъ писателей — реалистовъ, является энергичнѣмъ пересаживателемъ Гоголевскаго творчества на сербскую почву въ переводахъ. Переводная на сербскій языкъ Гоголевская литература довольно значительна, и не знакомые съ русскимъ языкомъ сербы могутъ почерпнуть довольно основательное знакомство съ творчествомъ Гоголя изъ переводовъ. Правда, никто изъ сербскихъ издателей не принялъ на себя той миссиі, которую принялъ чешскій издатель Отто своею „русскою бібліотекою“, и систематическаго изданія сочиненій коринеевъ русской литературы въ сербскихъ переводахъ мы не найдемъ. Однако по отношенію къ переводу произведеній Гоголя на сербскій языкъ, сербскія періодическія изданія, а также какъ отдѣльные переводчики, напр. М. Глишичъ, Л. Лазаревичъ, С. Новаковичъ, Ъ. Поповичъ, Л. Милковичъ и др., такъ и отдѣльныя издательства, напр. Српска Књ. Задруга, Мала бібліотека, Народна бібліотека и др. сдѣлали довольно много. Старѣйшимъ изъ извѣстныхъ намъ переводовъ Гоголевскихъ произведеній на сербскій языкъ является сдѣланный Т. Илиѣемъ и помѣщенный въ „Српске Новине“ 1850, переводъ „Страшной мести“ подѣ названіемъ „Страшна osveta“. Съ появленія перваго сербскаго перевода изъ Гоголя и до нашихъ дней число переводовъ постоянно растетъ, хотя довольно неравномѣрно и достоинство переводовъ не всегда высоко: близость сербскаго и русскаго языковъ, обиліе сходныхъ въ обоихъ языкахъ по произношенію, но различныхъ по значенію словъ, являются съ одной стороны причиною недостаточно серьезнаго и осторожнаго отношенія къ переводу понятнаго на первый взглядъ текста, а съ другой стороны влекутъ за собою рядъ неточностей, искаженій смысла подлинника и прямо таки курьезовъ: не обходилось дѣло при переводахъ Гоголя на сербскій языкъ и безъ обращенія къ посредству нѣмецкихъ переводовъ, что чаще вело къ порчѣ, чѣмъ къ улучшенію перевода. Лучшими переводами Гоголевскихъ произведеній на сербскій языкъ слѣдуетъ признавать переводы, сдѣланные М. Глишичемъ и Л. Милковичемъ, юв. Максимовичемъ и В. Иваншиевичъ. Попытку дать систематическій переводъ Гоголевскихъ произведеній сербскою публикѣ сдѣлать у сербовъ редакторъ журнала „Данца“ въ 60 г. Георгій Поповичъ (Ъ. Поповичъ), подобно тому какъ такую же попытку у чеховъ сдѣлали въ 40-хъ годахъ К. Гавличекъ и К. Стефанъ. Однако эта попытка ограничилась переводомъ лишь нѣсколькихъ Гоголевскихъ повѣстей, собранныхъ въ 2 книгахъ подѣ заглавіемъ „Забаве Српкињама“ и заключающихъ переводъ Страшной мести (Страшна osveta), Сорочинескаго ярмарки (Сорочински сајам), Вечеръ наканунѣ Ивана Купала (Вече у очи Иван-дана), Ночи передѣ Рождествомъ (Нощ у очи Божића), Старо-

свѣтскихъ помѣщиковъ (Стари свет), Невскаго проспекта (Невски проспект) и Записокъ сумасшедшаго (Записеници синавнига с ума); кромѣ того по періодическимъ изданиямъ, какъ Даниша и Седмица тотъ же Поповичъ помѣстить переводъ Вія (Вије), Портрета (Портрет), Пропавшей грамоты (Изгублено писмо), Коляски (Каруца) и Ночи передъ Рождествомъ (Ноч у очи Божића). До перевода важнѣйшихъ Гоголевскихъ произведеній, какъ то М. Душъ, Ревизора и Тараса Бульбы этому популяризатору Гоголевскаго творчества на сербской почвѣ такъ и не удалось дойти. Особенностью переводовъ Поповича является между прочимъ то, что онъ заставляетъ Гоголевскихъ героевъ говорить народнымъ говоромъ сербовъ изъ Воеводины и въ общемъ его переводъ довольно свободный.

Изъ украинскихъ повѣстей Гоголя чаще всего переводилась „Пропавшая грамота“ (3 раза), „Тарасъ Бульба“ (3 раза) и „Майская ночь“ (3 раза); по одному разу переведены „Заколдованное мѣсто“ (Нечисто место), Изв. 9. Шпоныка (Изв. Ф. Шпонка и негова тетка), Сорочинская ярмарка (Сорочински сајам) и Вечеръ наканунѣ Ивана Купала (Веће у очи Иван-дана); остальные украинскія повѣсти „Вечеровъ“ и „Миргорода“ имѣются въ двухъ переводахъ. Изъ Петербургскихъ повѣстей больше всего пострадалось „Коляскъ“, переведенной 3 раза, тогда какъ Шинель, Носъ, Портреть, Невскій проспектъ и Записки сумасшедшаго переведены всего по 1 разу. „Мертвыя души“ дождались перевода на сербскій языкъ лишь въ 1872 г., и хотя за переводъ взились такіе знатоки и русскаго языка, и Гоголя, какъ М. Глишичъ и Мильковичъ, по переводъ вышестъ не выишь удачнымъ, такъ что строгіе къ себѣ переводчики не дали ему широкаго распространенія, и въ настоящее время даже въ Сербіи крайне трудно достать этотъ переводъ. Удачный переводъ извѣстнымъ знатокомъ русскаго языка проф. Іов. Макинвичемъ отдѣльныхъ главъ I т. Мертвыхъ душъ не пополняеть крупнаго пробѣла въ сербской „Gogoliana“—отсутствія легко доступнаго и полнаго перевода „Мертвыхъ душъ“ Гоголя. Къ сожалѣнію, и юбилей 1902 и 1909 г. не пополнили этого серьезнаго пробѣла сербской литературы. Совершенно отсутствовать и сербскіе переводы „Авторской Исповѣди“, „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки“ и „Арабесокъ“, а равно мелкихъ драматическихъ и стихотворныхъ произведеній Гоголя. Обѣ крупныя комедіи Гоголя „Ревизоръ“ и „Женитьба“ переведены на сербскій языкъ и имѣють успѣхъ на сербской сценѣ. „Ревизоръ“ впервые бытъ поставленъ въ Бѣлградѣ въ 1870 г. 1-го февраля и шеть по рукописному переводу Ювичича; послѣ того онъ переводился въ 1878, 1880 годахъ; въ 1902 г. появились въ переводѣ отдѣльныя мѣста изъ него. Сербская литература какъ о зна-

театру „Ревизора“, такъ и общ. его постановка въ сербской сценѣ очень важна, и почти все критики и рецензенты сходятся въ похвалахъ Гоголевскому таланту и въ признаніи важнаго общественнаго и моральнаго значенія его комедій не только для русскаго, но и для сербскаго общества.

Первая постановка „Женитьбы“ въ Бѣлградѣ падаетъ на 12 окт. 1872 г.; пьеса шла въ рукописномъ переводѣ С. Пешича (С. Пешич); къ 50-лѣтнему Гоголевскому юбилею появился въ печати точный и изящный переводъ этой комедіи, сдѣланный одной изъ питомицъ русскаго Института имп. Маріи въ Цетиньѣ г-жей В. Иваншиевичъ-Джукевичъ (Иваншиевичъ-Буковичъ). Имѣется у сербовъ драматическая передѣлка „Тараса Бульбы“, сдѣланная Ю. Янковичемъ (Ђ. Јанковић); 1-е дѣйствіе этой передѣлки было поставлено 21 февр. 1902 г. въ сербскомъ національномъ театрѣ.

Вниманіе сербскихъ переводчиковъ Гоголя сосредоточивалось до самыхъ послѣднихъ десятилѣтій прошлаго вѣка на его повѣстяхъ изъ украинскаго быта, содержащихъ на ряду съ реалистическимъ элементомъ значительную дозу элемента романтическаго; объясненіе этого явленія мы видимъ въ томъ, что молодая сербская литература переживала до послѣдняго времени періодъ своего романтизма съ народническимъ отбѣскомъ, и ей были больше по плечу произведенія перваго періода Гоголевскаго творчества, нежели его произведенія, характерныя для художественнаго реализма общественнаго направленія.

Послѣ перваго извѣстнаго намъ упоминанія въ сербской литературѣ имени Гоголя въ 1847 г. при сопоставленіи этого писателя съ Достоевскимъ. ¹⁾ литература о Гоголѣ на сербскомъ языкѣ начинаетъ постепенно создаваться съ года Гоголевскоі смерти: такъ, въ 1852 г. въ газетѣ „Српске Новине“ ²⁾ появляется некрологъ Гоголя, содержащій характеристику почившаго русскаго писателя и обзоръ его произведеній; анализъ этого некролога приводитъ къ заключенію о западноевропейскомъ, повидимому чешскомъ, его происхожденіи. Не-сербскаго происхожденія и одна изъ лучшихъ характеристикъ Гоголевскаго творчества, появившаяся въ 80-хъ годахъ въ журналѣ „Јавор“ ³⁾ и представляющая собою переводъ изъ Проспера Мериме. Изъ комментативныхъ сербскихъ статей о Гоголѣ можно отмѣтить лишь нѣсколько краткихъ его біографій, напр. въ предисловіи къ переводу

¹⁾ Подупавка 1847, 32.

²⁾ Српске Новине 1852, №№ 63. 65.

³⁾ Јавор, 1882.

„Мертвыхъ Душъ“ Елишича и Мильковича, ¹⁾ въ трудѣ М. Иванича „Поменъ Гоголю“ ²⁾ и т. д.: рядъ бѣлыхъ характеристикъ его творчества имѣется въ журнальныхъ и газетныхъ, особенно юбилейныхъ 1902 и 1909 г., статьяхъ. Лучшею изъ извѣстныхъ намъ до сихъ поръ сербскихъ работъ о Гоголѣ является упомянутая работа проф. М. Иванича, появившаяся къ Гоголевскому юбилею 1902 г. въ журналѣ „Нова Искра“ ³⁾ и отдѣльнымъ изданіемъ и содержащая, помимо, краткой біографіи Гоголя и изданія хранящагося въ Бѣлградской бібліотекѣ Гоголевскаго автографа, обстоятельный обзоръ сербской Gogoliana: къ сожалѣнію, и эта работа не свободна отъ такихъ промаховъ, какъ наименованіе Гоголя „Иванъ Васильевичъ“ или показаніе времени его рожденія—19 марта 1808 г. и т. д.

Несомнѣнно, печальныя для сербства событія 1908—1909 г., поглотившія собою вниманіе всѣхъ слоевъ сербскаго общества, объявляютъ гл. обр. отсутствіе обогащенія сербской „Gogoliana“ ко дню 100-лѣтняго Гоголевскаго юбилея въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ можно было бы этого ожидать при интересѣ и любви сербовъ къ понятному и близкому имъ по духу творцу „Ревизора“ и „М. Душъ“, пѣвцу Украины и ея славнаго прошлаго.

Во всякомъ случаѣ можно смѣло сказать, что своими произведеніями, читанными либо въ оригиналѣ, либо въ переводѣ, Гоголь сѣялъ въ душахъ сербовъ и сербокъ сѣмена любви къ его поэтической Украинѣ, къ ея пѣснямъ, повѣрьямъ и преданіямъ старины, ко всей Руси, которую олицетворилъ онъ въ своей „тройкѣ“ и которой сложилъ онъ свой восторженный гимнъ въ извѣстномъ лирическомъ отступленіи I т. Мертвыхъ Душъ: смѣло можно также сказать, что его смѣхъ сквозь слезы надъ несовершенствомъ русской жизни и его сатира, бичующая язвы этой жизни, нашли живой отзвукъ въ сердцахъ родственнаго намъ сербскаго народа: не подорвавши любви послѣдняго къ русскому народу и вѣры въ его свѣтлое будущее, заставили они его оглипутъ на себя, на свою жизнь, позадуматься надъ ней, найти въ ней не мало печальнаго сходства съ русскою жизнью, и не одно сербское сердце заставилъ Гоголь загорѣться святымъ огнемъ негодованія на свои недостатки и наполниться жаждой самоусовершенствованія.

Мысль, что въ дни, когда, въ стѣнахъ „alma mater“ Гоголя мы чувствуемъ память великаго питомца Нѣжина, имя его съ уваженіемъ

1) Забавна бібліотека, 1872, 1 свес.

2) Проф. М. Иваничъ. Поменъ Гоголю о 50-год. негово смерти, Београдъ, 1902, стр. 5—6.

3) Нова Искра 1902, № 3. 5. 6.

повторяется на страницах печати романскаго, германскаго и въ особенности близкаго намъ славянскаго міра и находится на устахъ его почитателей, откликающихся на наше народное торжество, въ самыхъ разнообразныхъ краяхъ культурнаго свѣта, наполняетъ сердца благоговѣніемъ къ гению, являющемуся однимъ изъ звеньевъ, связывающихъ воедино все культурное человѣчество. Итъкниъ же, на долю котораго выпала высокая честь быть колыбелью Гоголевскаго гения, мѣстомъ его первыхъ литературныхъ опытовъ, не можетъ не гордиться своимъ великимъ питомцемъ, и благодарная память о Гоголѣ всегда будетъ жить въ стѣнахъ того зданія, надъ которымъ съ сегодняшняго дни красуется надпись: „Здѣсь учился Гоголь“.

П. Заболотскій.

Рѣчь: „Великому Нѣжинцу!“

(произнесенная 14 апр. 1909 г. у памятника Гоголя въ Нѣжинѣ передъ возложеніемъ вѣнковъ отъ Института, Пет.-Фил. Общества и учащихся).

Сто лѣтъ назадъ подъ небомъ поэтической Украины ты явился на свѣтъ, великій художникъ русскаго слова! Въ близкихъ отсюда Сорочинцахъ, Васильевкѣ, Диканькѣ съ дѣтства летѣли твои взоры чудныя картины украинской природы, слухъ твой ласкали преданія, повѣрья и пѣсни родной стороны и вся обстановка дѣтства питала твое поэтическое воображеніе.

Но лишь здѣсь, въ Нѣжинѣ, въ стѣнахъ Гимназіи Высшихъ Наукъ кн. Безбородко, въ „аллеяхъ густыхъ родного лицейскаго сада“ надъ тобой впервые стала нѣжно склоняться муза поэзіи: здѣсь зрѣли твои первые поэтическіе опыты: здѣсь была „колыбель твоей поэтической славы“.

Когда же слава твоя, слава великаго писателя, прошла не только по всей Руси великой, но вышла и далеко за предѣлы ея: когда имя твое перестало быть пустымъ звукомъ для образованныхъ классовъ не только славянскаго, но и романо-германскаго міра, то рядомъ съ именемъ Гоголя стало упоминаться и имя скромнаго уѣзднаго городка Нѣжина, въ которомъ Гоголь провелъ свою юность, и Гимназіи Высшихъ Наукъ кн. Безбородко, въ которой Гоголь учился.

Отблескъ лучей твоей славы, писатель, коснулся такимъ образомъ и нашего города, и твоей „alma mater“.

Естественно поэтому то благоговѣніе передъ твоею памятью, которое въ день твоего 100-лѣтняго юбилея проявляетъ и городъ, и учебныя заведенія Нѣжина, и нагляднымъ выраженіемъ котораго явились настоящія юбилейныя торжества.

Но догорятъ огни юбилейныхъ торжествъ, облетятъ цвѣты юбилейныхъ вѣнковъ, смолкнутъ и забудутся звуки рѣчей, хвалебныхъ гимновъ въ честь великаго Гоголя, жизнь ветушитъ въ свое будничное, стѣрое русло. Будемъ однакоже вѣрить, возлагая вѣнки отъ высшей, среднихъ и низшихъ школъ Нѣжина, что свѣтлый и неизгладимый слѣдъ юбилейныхъ торжествъ останется въ чуткихъ и откры-

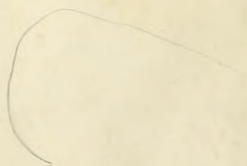
тыхъ на все доброе душахъ тѣхъ, которыхъ такъ любить. Гоголь любитъ юность: онъ вѣрнѣе въ юношество, обращаясь къ нему съ извѣстнымъ призывомъ: «забирайте съ собою въ путь, выходи изъ мягкихъ юношескихъ дѣтъ въ суровое ожесточающее мужество, забирайте все человѣческія движенія, не оставяйте ихъ по дорогѣ; не подымете потомъ»; онъ скорбѣлъ объ утратѣ своей юности, своей свѣжести при приближеніи пугавшей его старости. Пусть же въ груди всехъ этихъ устремившихъ свои взоры на божество твое, великій писатель, дѣтей, дѣвушекъ и юношей бьется сердца, подобныя твоему великому сердцу; пусть твой духъ борьбы съ пошлостью и житейской прозой вселится въ твоихъ соучениковъ и соученицъ по Нѣжинку; пусть твое стремленіе къ идеалу и самоусовершенствованію и твоя вѣра въ великую миссію и свѣтлый путь твоей родины служатъ путеводнымъ маякомъ въ жизни теперешняго и грядущихъ поколѣній Нѣжина, теперешнихъ и будущихъ питомцевъ твоей „alma mater“.

П. Заболотскій.

1-
078804
M2

4-

8-72

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
3335
Z8Z36

Zabolotskii, P. A.
Gogol' i slaviansstvo

UTL AT DOWNSVIEW

D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 16 05 18 11 018 1